

— Похоже, ты знаешь немало. — Ду Ицзэ другой рукой схватил Лазурного Дракона за волосы и потянул назад. — А ты знаешь, как тот человек умер? Знаешь, почему у него не осталось шеи?

Он прижался губами к уху Лазурного Дракона и тихо засмеялся, словно рассказывая о своём достижении:

— Я забил его до смерти.

Это было в сотни раз больше, чем татуировка. Лазурный Дракон застонал от боли, дрожа всем телом, с мокрыми от слёз глазами умоляя:

— Я виноват... второй брат, я виноват... отпусти меня...

— Если ты ещё раз приведёшь его в такое место, я отрежу тебе язык и перережу сухожилия на руках. Тогда ты не сможешь ни говорить, ни писать. Как думаешь, поверят ли тебе полицейские?

— Я виноват... второй брат, я ничего не скажу... я виноват... — Лазурный Дракон закрыл глаза, рыдая, слёзы текли ручьём.

Высокие здания по обеим сторонам улицы упирались в чёрно-белые облака, а окна верхних этажей, скрытые в тумане, излучали слабый свет. Люди на тротуарах уже надели тонкие ватные куртки, шагая через неубранные листья платанов.

Ду Ицзэ всё это время курил, сигарета за сигаретой, пока салон машины не наполнился дымом. Услышав, как Ли Миньюй закашлялся, он опустил окно, вытряхнул пепел за окно, и прохладный осенний ветер ворвался в салон, охладив его разгорячённый мозг.

В центральном зеркале заднего вида Ли Миньюй всё ещё лежал с закрытыми глазами, раскинувшись на заднем сиденье, что-то бормоча себе под нос. Он спал беспокойно, время от времени поднимая руку, а затем внезапно переворачивался и с грохотом падал на пол. Это не разбудило его, он продолжал спать, зажатый между сиденьем и ковром, словно камень.

Лицо Ду Ицзэ было холодным, но он не беспокоился, что Лазурный Дракон действительно пойдёт куда-то с доносом. Он мог понять сущность человека с первого взгляда. Лазурный Дракон был молод и всю жизнь провёл на дне общества, даже если бы у него было десять жизней, он не осмелился бы донести на него. К тому же люди вокруг Ли Миньюй были нечисты на руку, и если бы Лазурный Дракон пошёл в полицию, это нарушило бы правила, и тогда Ду Ицзэ даже не пришлось бы вмешиваться — кто-то сам бы разобрался с ним.

Плохое настроение Ду Ицзэ было вызвано тем, что он чувствовал, что совершил ошибку, и такая ошибка никогда раньше не случалась.

Ли Миньюй, удовлетворяя свои физические потребности, не делал ничего предосудительного,

а он приехал, забрал его и заодно вывихнул руку Лазурному Дракону — это была импульсивность.

В его глазах симпатия к Ли Миньюю не была большой ошибкой. Его чувства к Ли Миньюю были как у обычного человека к собаке, кошке или птице — просто развлечение. Но импульсивность — это другое дело, для их профессии это было табу, и такая собственничность была для него ненормальной.

Ду Ицзэ мчался по дороге, а его мозг работал на пределе. У него была отличная голова, закалённая в условиях постоянного напряжения и опасности.

Поэтому, когда он остановил машину в гараже квартиры Ли Миньюя, у него уже был готов примерный план действий.

Ду Ицзэ сначала вытащил Ли Миньюя из машины, одной рукой обхватил его за талию и, перекинув через плечо, уверенно вошёл в лифт. Возможно, плечо надавило на желудок, и Ли Миньюй застонал, тогда Ду Ицзэ сразу же опустил его, взял за плечи и отнёс в квартиру, уложив на диван.

Он сел на диван рядом с Ли Миньюем и достал из-за поясицы чёрный карманный пистолет.

На этом изящном пистолете уже был установлен глушитель «Скопа». Пистолет размером с ладонь медленно вращался в руке, останавливаясь на мгновение. После десяти оборотов Ду Ицзэ взял подушку с дивана.

Ли Миньюй всё же не был собакой, кошкой или птицей, и он сам больше не был обычным человеком, поэтому сегодняшняя импульсивность должна была быть исправлена немедленно.

Он не боялся, что Ли Миньюй проснётся в этот момент, скорее, ему было интересно, какое выражение будет на его лице. Растерянность, разочарование, шок или страх? Или, как и все остальные, он будет умолять о пощаде?

Но Ли Миньюй так и не проснулся, даже когда Ду Ицзэ положил подушку на его лоб, а чёрный ствол пистолета через мягкую подушку был направлен в его лоб.

Стоило Ду Ицзэ нажать на курок, и сигнал к выполнению задачи был бы дан. Он уже знал все смены охраны в особняке Гу Е и расположение камер наблюдения. Разобравшись с Ли Миньюем, он мог бы отправиться к Гу Е, застав его врасплох, и в худшем случае просто вступить в открытый бой.

Палец Ду Ицзэ уже сжал курок, он представлял, как через секунду пуля вылетит из ствола, а отдача ударит по его ладони.

— Сяо Ду! — Подушка не закрыла рот Ли Минъюя, он бормотал, и из его носа выходил лёгкий запах алкоголя. — Я правда не пытался на тебя наехать...

У Ду Ицзэ дёрнулся висок.

Этот парень развеселился после того, как развлёкся, и теперь несёт всякую чушь.

Он устался на спящее лицо Ли Минъюя, сжав рукоять пистолета так, что чуть не раздавил её, но так и не нажал на курок. С раздражением он убрал пистолет и вышел на балкон, прислонившись к перилам, достал из кармана новую пачку сигарет, из которой осталось только половина. Он вытащил одну сигарету, закурил и подумал, что до рассвета ещё далеко, и когда эта пачка опустеет, можно будет вернуться.

Лунный свет освещал балкон, как днём, и часть гостиной, где маленькая часть лица Ли Минъюя была освещена, и его нос сиял.

Ду Ицзэ медленно выдыхал дым, глядя через огромное окно на Ли Минъюя на диване. За эти годы Ли Минъюй, казалось, почти не изменился внешне, возможно, из-за неизменной причёски, он всё ещё выглядел по-детски. Он был крепким, но не огромным или грузным. В жаркие осенние дни, когда он ел, иногда весь покрывался потом, снимал майку и вешал её на плечо, обнажая твёрдую грудь.

Ду Ицзэ почти неосознанно нашёл себе оправдание: «Сейчас я не уверен в победе, этого человека нужно оставить».

В итоге он так и не выстрелил в Ли Минъюя.

На следующий день Ли Минъюй проснулся уже поздно утром, Ду Ицзэ готовил на кухне, вытяжка гудела. Он поднялся с дивана, голова была тяжёлой, а горло сухим, он хотел найти воды, но увидел, что на столе уже стояла бутылка минералки. Он открыл крышку и сделал несколько больших глотков, затем пошёл на кухню, хотел спросить, что готовит Ду Ицзэ, но не успел заговорить, как в голове начали всплывать воспоминания о вчерашнем «походе за развлечениями» и причине, по которой он не хотел возвращаться домой.

Ли Минъюй понял, что снова доставил Ду Ицзэ хлопоты, оглянулся и с запозданием осознал, что занял его место.

— Как я здесь оказался? — Ли Минъюй почесал голову. Когда он вернулся?

Ду Ицзэ, не оборачиваясь, ответил:

— Лазурный Дракон позвонил мне, сказал, что ты слишком пьян.

Ли Минъюй удивился, хотел спросить, когда они обменялись номерами, и разве он не пошёл искать девушек? Но, учитывая, что Ду Ицзэ был человеком воспитанным, вчерашний поход в такое непристойное место был для него унижением, поэтому он не стал уточнять, действительно ли Ду Ицзэ забрал его из массажного салона.

Ли Минъюй не хотел поднимать эту тему, но Ду Ицзэ не отстал, спросив:

— Ты что, настолько пьян, что не помнишь, что делал вчера?

Для Ли Минъюя это не звучало как дружеская шутка, это было похоже на вопрос его школьного учителя, который любил дёргать его за ухо: «Почему ты не сделал домашнее задание? Что, забыл? А что это у тебя в рюкзаке? Я тебя спрашиваю! Почему тетрадь пустая?»

<http://bllate.org/book/15266/1347253>